

Клайв С. Льюис

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Хроники Нарнии

Клайв Льюис

Последняя битва

«ЭКСМО»

Льюис К. С.

Последняя битва / К. С. Льюис — «Эксмо», — (Хроники Нарнии)

Власть в Нарнии захвачена самозванцем, и последний король собирает преданное ему малочисленное войско на последнюю битву. Джил и Юстас готовы помочь королю Тириану восстановить мир на благословенной земле. Сумеет ли войско, сражающееся во имя добра и жизни, сохранить свет в сгущающейся тьме?

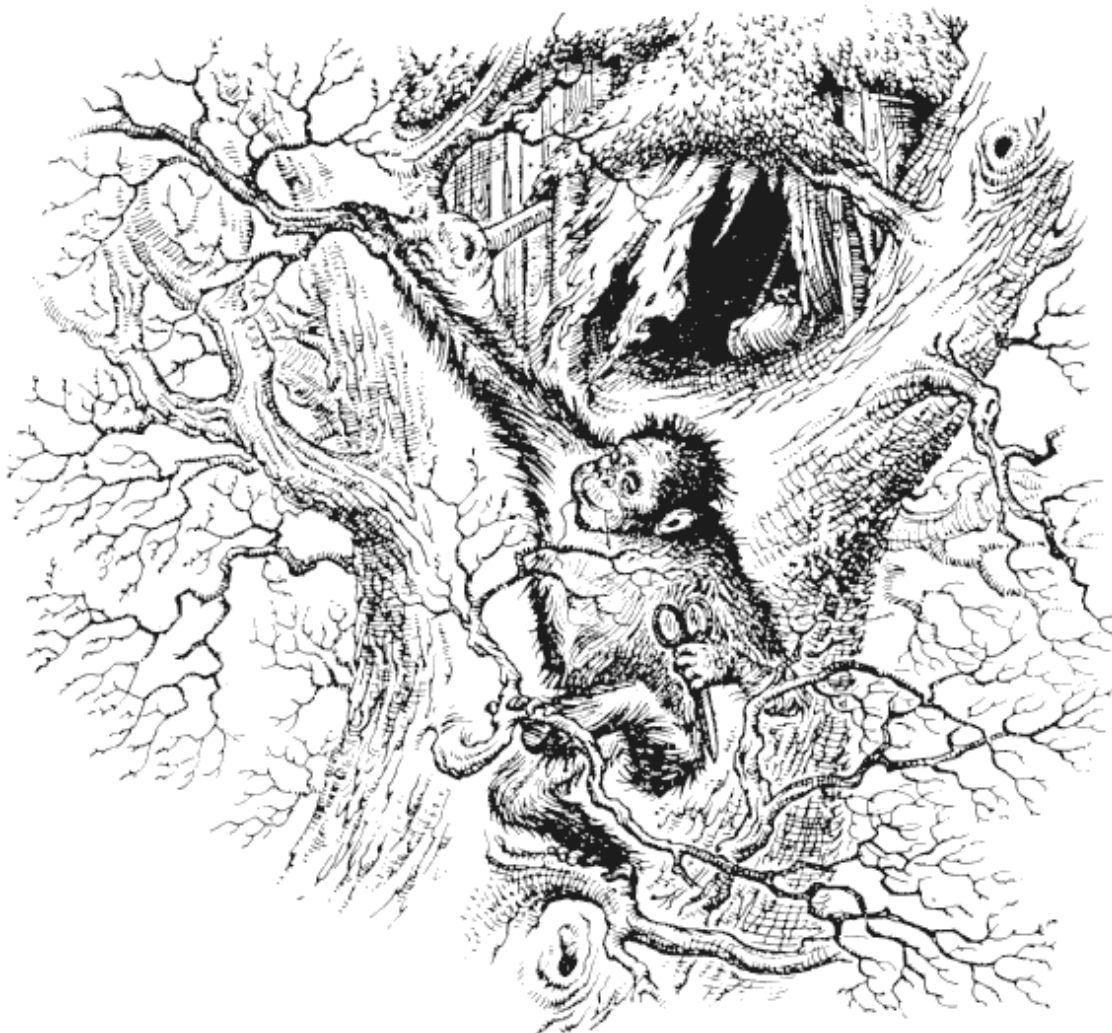
Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвёртая	23
Глава пятая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Клайв Льюис Последняя битва

Глава первая У Каменного Котла

В последние дни Нарнии далеко к западу, за Фонарной Пустошью, у самого Великого Водопада, жил Обезьян.

Лет ему было столько, что никто уже не помнил, когда поселился он в этих местах, и был он умнейшим, безобразнейшим, самым морщинистым обезьяном, какого только можно себе вообразить. Звали его Хитр, и жил он в развилке большого дуба в деревянном, крытом листьями домике. В этой части леса редко встречались говорящие звери, люди, гномы или какой-нибудь иной народ. Однако у Хитра был сосед и друг, осёл по имени Лопух. По крайней мере они называли себя друзьями, но со стороны вам показалось бы, что Лопух скорее слуга Хитра, чем друг, – ведь любая работа доставалась ему. Когда они вместе ходили на реку, Хитр наполнял водой большие кожаные бурдюки, но обратно их тащил Лопух. Когда им нужно было что-нибудь в городе, ниже по течению, именно Лопух спускался вниз с пустыми корзинами на спине и возвращался с полными. А все те лакомства, которые он привозил, съедал Хитр, ещё и приговаривая: «Ты ведь знаешь, я не могу есть траву и колючки, значит, справедливо вознаградить себя чем-нибудь другим». Лопух всегда отвечал: «Конечно, Хитр, конечно, я знаю». Лопух никогда не жаловался: он считал, что должен быть благодарен уже за то, что такой умный обезьян дружит с таким глупым ослом. Если Лопух и пытался иногда возразить,

Хитр говорил: «Я, Лопух, лучше тебя знаю, что надо делать. Ты ведь неумён». И Лопух всегда отвечал: «Да, Хитр, это совершенно верно, я неумён», – вздыхал и делал, что ему велели.

Как-то утром в начале года оба они гуляли по берегу Каменного Котла – так называется глубокая котловина сразу под обрывами на западном краю Нарнии. Огромный водопад низвергается в озеро с непрерывным грохотом; с другой стороны вытекает Великая река, вода под водопадом беспрестанно бурлит и пенится, словно её кипятят; отсюда и пошло название Каменный Котёл. Ранней весной, когда в горах к западу от Нарнии тает снег, водопад вздувается и становится особенно бурным. Когда друзья смотрели на Каменный Котёл, Хитр вдруг указал на что-то чёрным лоснящимся пальцем.

– Смотри! Что это?

– О чём вы? – спросил Лопух.

– Что-то жёлтое только что проплыло по водопаду и упало в Котёл. Смотри, вот оно опять плывёт. Мы должны узнать, что это.

– Должны? – переспросил Лопух.

– Конечно, должны, – сказал Хитр. – Может, это что-нибудь полезное. Будь другом, слазай-ка в Котёл и вытащи эту штуку. Тогда мы сможем её как следует рассмотреть.

– Лезть в Котёл? – спросил Лопух, прядая длинными ушами.

– А как же иначе мы её достанем? – сказал Обезьян.

– Но... но... – начал Лопух, – может, вам лучше вытащить её самому? Видите ли, ведь это вам интересно, что это, а совсем не мне. И потом, у вас есть руки, вы можете что-нибудь схватить не хуже человека или гнома. А у меня только копыта...

– Да, Лопух, – сказал Хитр. – Не ждал от тебя... Я о тебе думал лучше.

– Что я такого сказал? – робко спросил осёл, ибо Обезьян казался глубоко оскорбленным. – Я хотел только...

– ...чтобы я полез в воду, – сказал Хитр, – как будто ты не знаешь, какие у обезьян слабые лёгкие и как легко они простужаются! Прекрасно. Я полезу. Я уже продрог на этом ужасном ветру. Но я полезу. Возможно, я умру. Тогда ты пожалеешь. – Голос Хитра задрожал, словно он сейчас расплечется.

– Пожалуйста, не надо, пожалуйста, не надо, – не то проговорил, не то прокричал по-ослиному Лопух. – Я не хотел сказать ничего такого, Хитр, правда. Вы ведь знаете, я ужасно бестолковый и не могу думать о двух вещах сразу. Я забыл про ваши слабые лёгкие. Конечно, я всё сделаю. Вы не должны сами лезть в воду. Обещайте, что не полезете, Хитр!

Хитр обещал, и Лопух зацокал копытами по каменистому берегу, ища спуск. Не говоря уже о холоде, совсем не шутка лезть в бурлящую и пенящуюся воду. Лопух целую минуту стоял, поёживаясь и набираясь решимости. Но тут Хитр окликнул его: «Может, всё-таки лучше мне?» – и Лопух поскорее сказал: «Нет, нет. Вы обещали. Я сейчас». – И вошёл в воду.

Волна с силой ударила его в морду, забила рот и ослепила. Потом он на несколько минут ушёл под воду, а вынырнув, оказался совсем в другой части Котла. Тут водоворот подхватил его, закружил всё быстрее и быстрее, отнёс под самый водопад и потянул вниз. Оказавшись почти на дне, Лопух подумал, что больше не вынырнет; а когда всё же вынырнул, увидел, что загадочный предмет тоже понесло к водопаду и тоже утянуло на дно, а всплыл он ещё дальше, чем прежде. В конце концов, смертельно уставший, продрогший, весь в синяках, Лопух схватил-таки его зубами. Он вылез, таща эту штуку перед собой и путаясь в ней передними ногами, так как была она размером с хороший ковёр, очень тяжёлая, холодная и склизкая.

Он уронил её перед Хитром и остановился, дрожа, отряхиваясь и пытаясь отдышаться. Но Обезьян даже не спросил, как он себя чувствует, даже не посмотрел на него: он был слишком занят – ходил вокруг вытащенного предмета, расправляя, поглаживая и обнюхивая его. Наконец нечистый блеск появился в его глазах, и он сказал:

– Это львиная шкура.

– Э-о-о-о-х, неужели? – с трудом выговорил Лопух.
– Интересно... интересно... интересно... – бормотал Хитр в глубокой задумчивости.
– Интересно, кто убил бедного льва? – подхватил Лопух. – Надо его похоронить.
– О, это не был говорящий лев, – сказал Хитр, – об этом можешь не беспокоиться. Выше водопадов в Западных Дебрях нет говорящих зверей. Эту шкуру носил дикий, бессловесный лев.

Кстати, так оно и было. Человек-охотник убил и освежевал этого льва в Западных Дебрях несколькими месяцами раньше. Но это не имеет отношения к нашей истории.

– И всё же, Хитр, – сказал Лопух, – даже если эта шкура принадлежала дикому, бессловесному льву, приличней было бы устроить скромные похороны. Я хочу сказать, что львы – это вообще довольно... довольно серьёзно. Сами знаете, из-за кого. Понимаете?

– Кончай рассуждать, Лопух. Ты в этом не силён. Из этой шкуры мы сделаем тебе шубу.

– Я не хочу, – сказал осёл. – Это будет... я хотел сказать, другие звери могут подумать... ну, в общем, я не хотел бы...

– О чём это ты? – раздражённо перебил Хитр.

– Я думаю, будет неуважением к Великому Льву, если такой осёл, как я, начнет расхаживать в львиной шкуре.

– Перестань, пожалуйста, спорить, – сказал Хитр. – Что такой осёл, как ты, в этом понимает? Ты не умеешь думать, Лопух, так предоставь это мне. Почему ты не хочешь относиться ко мне так же, как я к тебе? Я знаю твои сильные стороны и ценю их. Я позволил тебе лезть в Котёл, потому что знал – ты сделаешь это лучше меня. Но почему я не могу делать то, что я умею, а ты – нет? Позволят мне хоть что-нибудь делать? Будь же справедлив.

– Ну конечно, раз так... – сказал Лопух.

– Вот и я говорю, – подхватил Хитр. – Чем рассуждать, лучше бы пробежался до Чипингфорда и посмотрел, нет ли там апельсинов и бананов.

– Я так устал, Хитр! – взмолился Лопух.

– Конечно, – сказал Обезьян, – и промок, и замёрз, а бег рысцой – лучший способ согреться. Кроме того, сегодня в Чипингфорде базарный день.

Лопух не стал спорить.

Оставшись один, Хитр тут же заковылял к своему дереву то на двух, то на четырёх лапах. Перемахивая с ветки на ветку, он забрался наверх, болтая и скаля зубы. В своём доме он нашел нитку, иглку и большие ножницы – он был умный Обезьян, и гномы научили его шить. Засунув в рот моток ниток (это была очень толстая нитка, скорее даже бечёвка), отчего щека у него оттопырилась, словно он сосал огромную ириску, Хитр взял иглу в зубы и ножницы в левую лапу. Затем спустился с дерева и заковылял к львиной шкуре. Присев около неё на корточки, он принялся за работу.

Сразу прикинув, что туловище шкуры великовато для Лопуха, а шея коротковата, он отрезал большой кусок от туловища и смастерил из него длинный воротник для длинной ослиной шеи. Затем он отрезал голову и пришил воротник между головой и плечами. С обеих сторон шкуры он продел бечёвку, так чтобы она завязывалась у осла на брюхе. То и дело над ним пролетали птицы, и Хитр останавливался, озабоченно поглядывая наверх. Он не хотел, чтобы кто-нибудь видел его работу. Но все эти птицы были неговорящие, так что он мог не волноваться.

Лопух вернулся поздно вечером. Он не бежал, а устало трусил.

– Апельсинов нет, – сказал он. – И бананов тоже. И я очень устал. – И он лёг.

– Иди сюда и примерь свою новую львиную шубу.

– Надоела мне эта шкура, – ответил Лопух. – Я примерю её утром. Сегодня я слишком устал.

– Какой же ты злой, Лопух, – сказал Хитр. – Если даже ты устал, что же говорить обо мне? Пока ты разгуливал по долине, я не покладая рук трудился над твоей новой шубой. Мои лапы так устали, что еле держали ножницы. А ты даже не сказал спасибо, даже не взглянул, тебя совсем не трогает, – и... и...

– Дорогой Хитр, – мгновенно поднялся Лопух, – простите меня, негодного! Конечно, я хочу её примерить. Она просто потрясающая. Примерьте её на меня сейчас же.

Пожалуйста.

– Ладно, стой здесь, – сказал Хитр. Шкура была слишком тяжела для него, но наконец, пыхтя и отдуваясь, он натянул её на осла, завязал бечёвку под его брюхом, привязал ноги к ногам, а хвост к хвосту. Тот, кто видел настоящего льва, не ошибся бы и на секунду. Но тот, кто льва не видел, глядя на Лопуха в львиной шкуре, мог бы принять его за льва, если, конечно, не подходить слишком близко, или при слабом свете и если Лопух не стал бы кричать по-ослиному или стучать копытами.

– Ты выглядишь замечательно, просто замечательно, – сказал Обезьян. – Если кто-нибудь увидит тебя сейчас, он подумает, что перед ним сам Аслан, Великий Лев.

– Это было бы ужасно, – ответил Лопух.

– Нет, напротив, – возразил Хитр. – Все бы делали то, что ты прикажешь.

– Да я не хочу ничего приказывать.

– Подумай только, сколько добра мы могли бы сделать! – сказал Хитр. – Я бы тебе советовал, конечно. Я бы придумывал мудрые указы. И все подчинялись бы нам, даже король. Мы навели бы в Нарнии полный порядок.

– Мне казалось, что в Нарнии и так полный порядок, – сказал Лопух. – Разве нет?

– Как! – вскричал Хитр. – Полный порядок?! При том, что нет ни апельсинов, ни бананов?

– Ну, знаете, – сказал Лопух, – не так уж многим... я думаю, вряд ли они нужны кому-нибудь, кроме вас.

– И сахар тоже, – добавил Хитр.

– М-да, – промолвил осёл. – Его бы хорошо побольше.

– Итак, решено, – сказал Хитр. – Ты выдаёшь себя за Аслана, а я советую тебе, что говорить.

– Нет, нет, нет, – испугался Лопух. – Не говорите таких ужасных вещей. Так нельзя, Хитр. Я не умён, но это я знаю. Что с нами будет, если вернётся настоящий Аслан?

– Надеюсь, он будет очень рад, – сказал Хитр. – Возможно, он послал нам львиную шкуру специально, чтоб мы навели порядок. Как бы то ни было, пока он не возвращается.

В этот самый момент прямо над ними раздался страшный удар грома, и земля задрожала под ногами. Оба зверя потеряли равновесие и повалились на землю.

– Вот, – с трудом выговорил Лопух, когда к нему вернулся дар речи. – Это знамение. Мы сделали что-то чудовищное. Сейчас же снимите с меня эту ужасную шкуру.

– Нет, нет, – возразил Обезьян (голова у него работала очень быстро). – Это совсем другое знамение. Я только что хотел сказать, что настоящий Аслан, раз уж ты его помянул, пошлёт нам землетрясение и гром, чтобы выказать своё одобрение. Я почти уже начал, но знамение произошло раньше, чем я успел произнести хоть слово. Теперь ты просто должен. И пожалуйста, не будем больше спорить. Ты прекрасно знаешь, что не разбираешься в таких вещах. Что может осёл понимать в знамениях?

Глава вторая

Опрометчивость короля

Тремя неделями позже последний король Нарнии сидел под могучим дубом. Дуб рос перед дверью охотничьего домика, где король нередко проводил неделю-другую славной весенней порой. Домик был невысокий, крытый соломой и стоял недалеко от восточного края Фонарной Пустоши, несколько выше слияния рек. Король любил пожить здесь простой жизнью, подальше от суеты и пышности Кэр-Параваля, королевского города. Звали его Тириан, лет ему было двадцать – двадцать пять, он был широкоплеч, крепок и мускулист, но борода только начинала пробиваться. У него были голубые глаза и бесстрашное, честное лицо.

Никого не было с ним этим весенним утром, кроме лучшего друга, единорога по имени Алмаз. Они любили друг друга, как братья, и каждый был обязан другому жизнью. Благородный зверь стоял возле королевского кресла и, изогнув шею, потирал голубым рогом белый, как сметана, бок.

– Знаешь, Алмаз, сегодня я просто не нахожу себе места, – сказал король. – Я не могу ни о чём думать, кроме этих удивительных новостей. Как ты думаешь, услышим мы сегодня что-нибудь ещё?

– Поистине удивительные вести, государь. Ни в наши дни, ни в дни наших отцов, ни в дни наших дедов не случалось подобного, – сказал Алмаз. – Если, конечно, это правда.

– Как это может быть неправдой? – сказал король. – Больше недели назад первая птица пролетела над нами, крича, что Аслан здесь, Аслан снова вернулся в Нарнию. Потом были белки. Сами они его не видели, но сказали, что он, несомненно, в наших лесах. Потом прискакал олень. Он сообщил, что видел его собственными глазами, издали, при лунном свете, на Фонарной Пустоши. Потом пришёл темнотищый бородатый человек, торговец из Тархистана. Тархистанцев не интересует Аслан, но этот человек рассказывал о его появлении как о чём-то несомненном. И, наконец, прошлой ночью приходил барсук – он тоже видел Аслана.

– В самом деле, государь, – сказал Алмаз. – Я верю в это. Если по мне этого не видно, то лишь оттого, что великая радость не даёт мне увериться окончательно. Это слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

– Да, – промолвил король. Глаза его сияли, и он почти дрожал от восторга. – Я не смел и мечтать об этом.

– Слушайте! – сказал Алмаз, склоняя голову набок и настораживая уши.

– Что там? – спросил король.

– Стук копыт, государь, – отвечал Алмаз. – Скачет лошадь. Очень тяжёлая лошадь. Должно быть, кентавр. А вот и он.

Огромный златобородый кентавр стремительно приближался к королю. Человеческий пот выступил у него на лбу, конский пот – на боках. Остановившись, он склонился в глубоком поклоне.

– Приветствую вас, – произнёс он низким, как у быка, голосом.

– Эй, мальчик! – крикнул король, оборачиваясь через плечо к двери охотничьего домика. – Чашу вина доблестному кентавру! Добро пожаловать, Руномудр. Когда ты отдышишься, ты сообщишь нам свои вести.

Из домика вышел паж с большой, причудливо вырезанной деревянной чашей и поднёс её кентавру. Тот поднял чашу и сказал:

– Я пью сперва за Аслана и за истину, государь, потом за ваше величество. – Он одним глотком выпил вино (которого хватило бы на шестерых крепких мужчин) и вернул пажу пустую чашу.

– Теперь скажи нам, Руномудр, – молвил король, – привёз ли ты новые вести об Аслане? Кентавр нахмурил брови.

– Государь, – начал он, – вам известно, как долго живу и как долго изучаю я звёзды, ибо мы, кентавры, живём дольше людей и даже дольше твоего племени, единорог. Но ни разу за эти долгие годы не появлялись на небесах столь страшные знаки, как те, что я вижу каждую ночь с начала этого года. Звёзды ничего не говорят ни о приходе Аслана, ни о мире, ни о радости. Благодаря моему искусству я знаю, что такого ужасного сочетания планет не было много столетий. Я хотел уже отправиться к вашему величеству и предупредить, что великое зло приближается к Нарнии. Но прошлой ночью меня достиг слух, что в Нарнию прибыл Аслан. Государь, не верьте этому. Этого быть не может. Звёзды не лгут, но лгут люди и звери. Если бы Аслан и впрямь прибыл в Нарнию, небеса предсказали бы это. Если бы он действительно прибыл, благоприятнейшие из звёзд собрались бы в его честь. Все слухи – ложь.

– Ложь! – с горячностью воскликнул король. – Кто в Нарнии, да и во всём мире, осмелится на такую ложь? – И, сам того не замечая, положил руку на рукоять меча.

– Я не знаю этого, о король, – ответил кентавр, – но я знаю, что на земле есть лжецы и что их нет среди звёзд.

– Я думаю, – сказал Алмаз, – Аслан может прийти, хотя бы все звёзды на небе предсказывали обратное. Он не раб звёзд, но их создатель. Разве не говорится в древних сказаниях, что он не ручной лев?

– Прекрасно сказано, Алмаз! – воскликнул король. – Это те самые слова: не ручной лев. Так говорится во многих сказаниях.

Руномудр поднял руку, собираясь сказать королю что-то важное, но неожиданно из леса послышались жалостные вопли. Они раздавались всё ближе, но лес на западе был такой густой, что пришельца было не разглядеть.

– О горе, горе, горе, – кричал голос, – горе моим братьям и сестрам! Горе священным деревьям! Леса пустеют. На нас идут топоры. Нас рубят. О горе, горе, горе!..

С последним возгласом появилась женщина, такая высокая, что голова её приходилась вровень с головой кентавра; и ещё она походила на дерево. Если вы никогда не видели дриаду,

её очень трудно описать, но, хоть раз увидев, вы будете безошибочно её узнавать – по каким-то особенностям цвета, голоса, волос. Король Тириан и его друзья сразу поняли, что перед ними дух соснового дерева.

– Правосудия, государь! – вскричала она. – Я призываю вас на помощь! Будьте опорой своему народу! Они вырубают нас на Фонарной Пустоши. Сорок огромных стволов моих братьев и сестёр уже лежат на земле.

– Как, леди? Вырубают Фонарную Пустошь? Убивают говорящие деревья?! – вскричал король, вскакивая и выхватывая меч. – Как они посмели? И кто это посмел? Во имя Аслана...

– А-а-а, – выговорила дриада, вздрагивая, словно от сильной боли. Она вздрагивала через небольшие промежутки времени, словно от повторяющихся ударов, а потом – будто ей неожиданно перерезали обе ноги – упала в траву; ещё мгновение – и она уже была мертва; потом она исчезла. Все понимали, что это значит: за много миль отсюда срубили её дерево.

От скорби и гнева король на минуту потерял дар речи. Наконец он проговорил:

– Вперёд, друзья. Мы должны, не теряя ни минуты, поспешить вверх по реке и найти негодяев, поднявших руку на деревья. Пощады им не будет.

– Со всей моей охотой, государь, – промолвил Алмаз. Но Руномудр сказал:

– Государь, даже в гневе не следует терять осторожности. Назревают странные события. Если бунтовщики в долине вооружены, нам троим с ними не справиться. Если бы вы согласились подождать, пока...

– Я не желаю ждать и доли секунды, – сказал король. – Но пока мы с Алмазом отправимся вперёд, скачи во весь опор в Кэр-Параваль. Вот тебе опознавательный знак – моё кольцо. Возьми два десятка конных латников, и два десятка говорящих псов, и десяток гномов, искусных в стрельбе из лука, и одного-двух леопардов, и великана Многопуда. Веди их вслед за нами, не теряя времени.

– Со всей моей охотой, государь, – сказал Руномудр. В следующую минуту он уже скакал галопом вниз по долине.

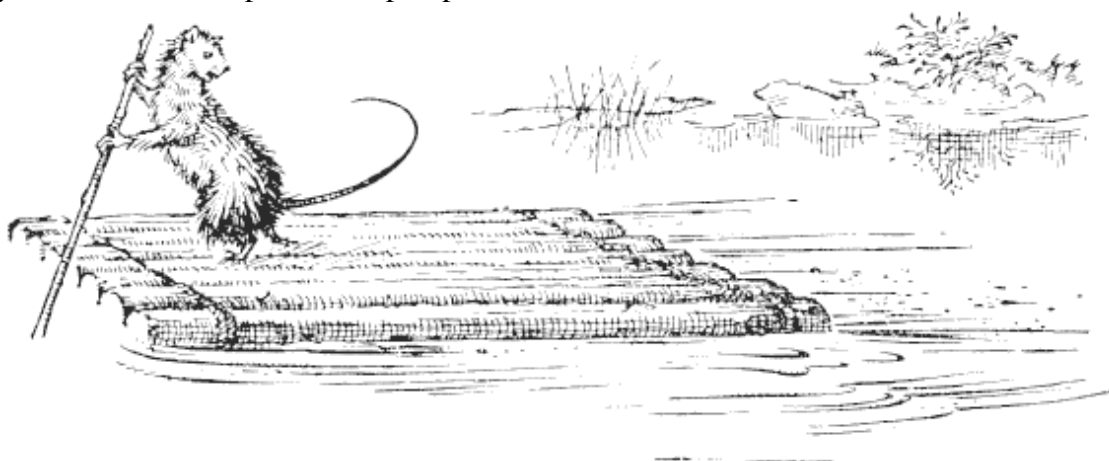
Король шёл большими шагами, то сжимая кулаки, то бормоча что-то про себя. Алмаз молча шёл рядом. Тишину нарушало лишь звяканье золотой цепи на шее единорога да мерная поступь чёрных копыт и двух ног.

Вскоре они достигли реки и свернули на заросшую травой дорогу; слева от них была река, справа – лес. Спустя некоторое время они вышли к месту, где земля становилась неровной, а густой лес спускался прямо к воде. Дальше дорога шла по южному берегу. Тут был брод. Вода доходила Тириану до подмышек, но Алмаз (на своих четырёх ногах ему было куда легче держаться) шёл справа от него, ослабляя силу течения. Тириан сильной рукой обхватил шею единорога, и оба благополучно переправились на другой берег. Король все ещё был в таком гневе, что не заметил холода. Но, выйдя на берег, он, конечно, тотчас же вытер свой меч воротником плаща (это было единственное место, оставшееся сухим).

Теперь они шли на запад; река была справа от них, Фонарная Пустошь расстилалась впереди.

Они прошли больше мили, когда оба вдруг остановились, одновременно воскликнув. Король сказал: «Что это?»; Алмаз – «Глядите!»

– Это плот, – сказал король Тириан. Так оно и было. Полдюжины великолепных стволов, свежесрубленных и очищенных от веток, были связаны в плот и быстро плыли по реке. На плоту стояла водяная крыса и споро правила шестом.

– Эй! Водяная крыса! Что это ты делаешь? – закричал король.

– Везу в Тархистан брёвна на продажу, государь, – сказала крыса и вежливо приподняла ухо, как могла бы приподнять шляпу, если б, конечно, шляпа на ней была.

– В Тархистан?! – загремел Тириан. – Что ты говоришь?! Кто приказал рубить эти деревья?

В это время года река течёт очень быстро, и плот уже миновал короля и Алмаза. Но крыса крикнула через плечо:

– Приказ Льва, государь. Самого Аслана. – И она прибавила что-то ещё, чего они уже не могли разобрать.

Король и единорог уставились друг на друга. Ни в одном самом опасном бою они бы так не испугались.

– Аслан, – очень тихо произнес наконец король. – Аслан. Может ли это быть? Может ли он рубить священные деревья и убивать дриад?

– Если только дриады не совершили чего-нибудь чудовищного, – прошептал Алмаз.

– Но продавать их в Тархистан... – сказал король. – Возможно ли это?

– Не знаю, – печально ответил Алмаз. – Он же не ручной лев.

– Ну что ж, – сказал наконец король. – Мы должны отправиться вперёд и принять ниспосланное нам приключение.

– Это единственное, что нам остаётся, государь, – сказал единорог. Он не подумал, как глупо им отправляться вдвоём; не подумал об этом и король – гнев затуманил их мысли. Однако опрометчивость эта имела самые губительные последствия.

Внезапно король тяжело оперся о шею друга и склонил голову.

– Алмаз, – сказал он. – Что нас ждёт? Ужас переполняет моё сердце. Если бы мы умерли днём раньше, мы были бы счастливы.

– Да, – сказал Алмаз. – Мы слишком долго жили. Наступает самое худшее. – Они постояли с минуту и продолжили путь.

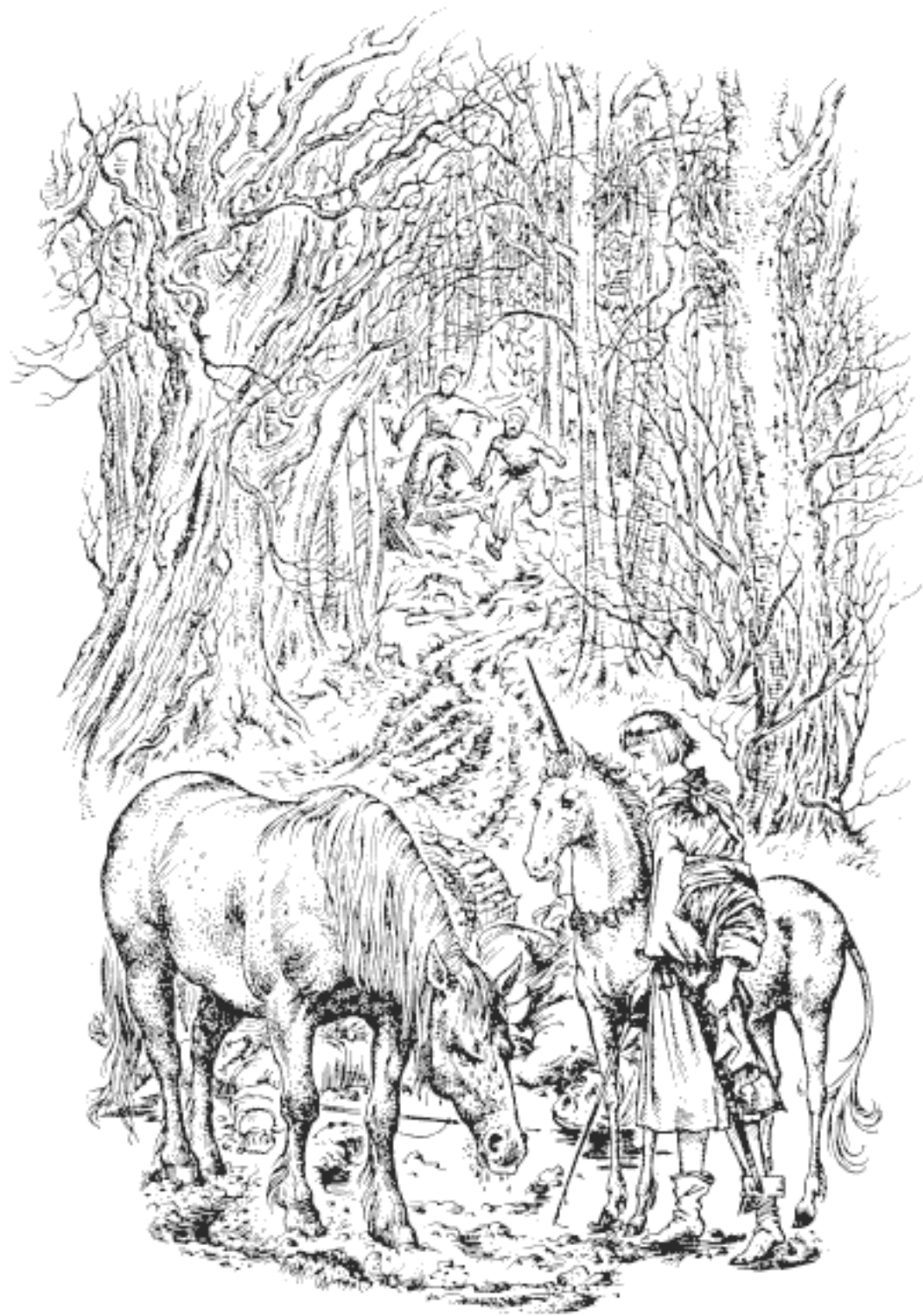
Спустя некоторое время они слышали «тук-тук-тук» – стук топоров по бревну, однако ничего ещё не видели, потому что склон круто уходил вверх. Когда они достигли вершины, вся Фонарная Пустошь открылась их глазам. И от зрелища этого король побледнел.

Прямо в сердцевине древнего леса – где росли золотые и серебряные деревья и где ребёнок из нашего мира посадил некогда Древо Защиты – шла широкая просека. Это была страшная просека, она тянулась как свежая рана, изборождённая колеями от деревьев, которые тащили к реке. Кругом толпился занятый работой народ, хлопали бичи, лошади с усилием тащили брёвна. Сначала королю бросилось в глаза, что больше половины толпы не говорящие звери, а люди. Ещё страшнее было то, что это не белокурые обитатели Нарнии, а темнолицые и бородатые жители Тархистана, великой и жестокой державы, лежащей к югу от Орландии, за великой пустыней. Не то чтобы в Нарнии нельзя было встретить одного-двух тархистанцев – торговцев или послов, тем более что между Нарнией и Тархистаном в то время был мир; но Тириан не мог понять, отчего их так много и почему они рубят нарнийский лес. Он крепче сжал меч и обернул плащом левую руку. Они быстро спустились.

Двое тархистанцев вели лошадь, тащившую бревно. В тот момент, когда король подошёл к ним, бревно попало на плохой участок колеи.

– Тащи, сын лени! Тащи, упрямая свинья! – кричали тархистанцы, щёлкая бичами. Конь и без того старался изо всех сил: глаза его налились кровью, он весь покрылся пеной.

– Работай, ленивая скотина! – закричал один из тархистанцев; при этом он жестоко стегнул лошадь. И тут произошла поистине ужасная вещь.

До сих пор Тириан не сомневался, что тархистанцы привели своих собственных лошадей, бессловесных и неразумных, подобно лошадям нашего мира. И хотя издевательство над бессловесной лошадию было ему отвратительно, он, естественно, больше думал об убийстве деревьев. Ему и в голову не приходило, что кто-нибудь посмеет запрячь свободную нарнийскую лошадь, тем более подгонять её бичом. Когда зверский удар обрушился на коня, тот поднялся на дыбы и произнёс, чуть не крича:

– Глупец и тиран! Не видишь – я делаю всё, что могу?!

Едва Тириан понял, что перед ним нарнийский конь, и его и Алмаза охватил такой гнев, что оба уже не понимали, что делают. Король поднял меч, единорог опустил голову, оба стре-

мительно бросились вперёд. Через несколько минут тархистанцы лежали мёртвыми, один – обезглавленный мечом короля, другой – пронзённый в самое сердце рогом Алмаза.

Глава третья Обезьян во славе

– Почтенный Конь, почтенный Конь, – говорил король, поспешно перерезая постромки, – как удалось чужестранцам поработить вас? Разве Нарния завоёвана? Разве была битва?

– Нет, государь, – задыхаясь, выговорил конь. – Аслан здесь. Всё это по его приказу. Он велел...

– Берегитесь, государь, – сказал Алмаз. Тириан поднял глаза и увидел, что со всех сторон бегут тархистанцы, а с ними несколько говорящих зверей. Двое убитых упали без крика, и прошло несколько секунд, прежде чем остальные поняли, что происходит. Но теперь они поняли. Многие сжимали в руках ятаганы.

– Скорее! Садитесь на меня! – крикнул Алмаз.

Король вскочил на спину старому другу; тот поскакал прочь. Когда они оставили врагов далеко позади, единорог дважды или трижды сменил направление, пересёк ручей и крикнул, не замедляя шаг:

– Куда теперь, государь? В Кэр-Параваль?

– Остановись, друг мой, – промолвил Тириан. – Дай мне спешиться. – Он соскользнул со спины единорога и повернулся к нему.

– Алмаз, – произнес король. – Мы совершили тягчайшее преступление.

– Они нас вынудили, – ответил Алмаз.

– Но напасть на них врасплох, не вызвав их на бой, – напасть на безоружных! Я навсегда опозорен.

Алмаз понурил голову. Ему тоже было стыдно.

– И потом, – сказал король, – конь говорил, что это всё по приказу Аслана. И крыса говорила то же самое. Все говорят, что Аслан здесь. Что, если это правда?

– Государь, как же мог Аслан отдать столь ужасный приказ?

– Он не ручной лев, – сказал Тириан. – Откуда нам знать, что может и что не может Аслан. Нам, убийцам? Алмаз, я вернусь. Я отдам свой меч, предам себя в руки тархистанцев и попрошу их отвести меня к Аслану. Пусть он судит меня.

– Это верная смерть, – сказал Алмаз.

– Неужели, по-твоему, меня волнует, приговорит меня Аслан к смерти или нет? – произнёс король. – Не лучше ль умереть, чем жить и знать, что Аслан пришёл и не похож на Аслана, в которого мы верили и которого ждали? Как будто взошло солнце, и солнце это чёрное.

– Я понимаю, – сказал Алмаз. – Как будто ты пьёшь воду, и это сухая вода. Вы правы, государь. Идём, сдадимся сами.

– Нет надобности идти нам обоим.

– О, если только мы любили друг друга, разрешьте мне идти с вами теперь! – сказал единорог. – Если вы умрёте, а Аслан – не Аслан, зачем мне жить?

Они повернули и пошли назад, роняя горькие слёзы.

Как только они дошли до просеки, тархистанцы подняли крик и бросились на них с оружием. Но король протянул им меч рукоятью вперёд и сказал:

– Я, бывший король Нарнии, ныне – бесславный рыцарь, сам предаю себя правосудию Аслана. Ведите меня к нему.

– И меня тоже, – сказал Алмаз.

Темнолицые люди окружили их плотной толпой, пахнувшей чесноком и луком, белки глаз угрожающе сверкали на коричневых лицах. Они набросили верёвочную петлю на шею единорога; они забрали у короля меч и связали ему руки за спиной. Один из тархистанцев, походивший на начальника (у него вместо тюрбана был шлем), сорвал золотой обруч с головы Тириана и поспешно спрятал в своей одежде.

Они провели обоих пленников вверх по склону холма, где была широкая вырубка. И вот что увидели пленники.

В центре вырубки, на самой вершине холма, стояла небольшая хижина, крытая соломой и походившая на хлев. Дверь её была заперта. На траве перед входом сидел Обезьян. Тириан и Алмаз, ожидавшие увидеть Аслана и ничего не слышавшие про Обезьяна, остановились в недоумении. Это, конечно, был Хитр собственной персоной, только раз в десять безобразней, чем в бытность свою у Каменного Котла, потому что теперь он был одет в ярко-алый кафтан, сшитый на гнома и потому плохо на нём сидевший, а голову его венчало что-то вроде бумажной короны. На задних лапах, никогда не стоящих как следует (ведь, как вы знаете, задние лапы у обезьян больше похожи на руки), были туфли, расшитые драгоценными камнями. Рядом лежала куча орехов, Обезьян грыз их и сплёвывал шелуху. К тому же он постоянно задирает кафтан и чесался. Множество говорящих зверей стояло перед ним, почти все выглядели озабоченными и обескураженными. При виде пленников раздались вздохи и всхлипывания.

– О господин Хитр, глашатай Аслана, – сказал главный тархистанец. – Мы привели ваших пленников. Благодаря нашей ловкости, а также по милости великой богини Таш мы взяли живьём этих отъявленных убийц.

– Дайте мне меч этого человека, – сказал Хитр.

Они вручили Обезьяну королевский меч, с ножнами и перевязью. Тот нацепил его себе на шею, отчего стал выглядеть ещё глупее.

– С этими двумя разберёмся потом, – сказал он, сплёвывая шелуху в сторону пленников. – Пока у меня есть дела поважнее. Эти могут подождать. Теперь слушайте меня. Первое – это орехи. Где предводитель белок?

– Здесь, господин, – сказала рыжая белка, выходя вперёд и нервно кланяясь.

– Ах, вот ты где, – сказал Обезьян, бегая глазами. – Я хочу, то есть Аслан хочет ещё орехов. Того, что вы принесли, недостаточно. Вы должны принести ещё, ясно? Вдвое больше, нет – ещё больше. Чтобы были здесь завтра на закате, и чтоб среди орехов не было ни мелких, ни порченных!

Среди белок пронёсся шепот отчаяния, а предводитель, набравшись решимости, попросил:

– Пожалуйста, может быть, сам Аслан поговорит об этом с нами. Если б нам позволили его увидеть...

– Нет, вам не позволят, – сказал Обезьян. – Может, он будет так добр (хоть вы того не заслужили) и покажется этой ночью. Но он не позволит вам толпиться вокруг и приставать со

своими вопросами! Все ваши просьбы передавайте через меня, так они доставляют ему меньше беспокойства. А вы, белки, живо за орехами! И чтоб завтра утром были здесь! А то пожалеете.

Бедные белки помчались прочь, словно за ними гналась собака. Новый приказ застал их врасплох – почти все орехи, заботливо припасенные на зиму, были съедены, а всё остальное они уже отдали Обезьяну.

Тут из толпы раздался глубокий голос – он принадлежал косматому, клыкастому вепрю.

– Нет, почему мы не можем видеть Аслана и говорить с ним? – произнёс он. – Когда в старые времена он появлялся в Нарнии, все могли говорить с ним лицом к лицу.

– Не верьте, – сказал Обезьян. – Даже если это и было, времена меняются. Аслан говорит, что был слишком мягок с вами. Он вам покажет, как думать, будто он ручной лев!

Звери тихонько захныкали, потом воцарилась мёртвая тишина, ещё более жалкая, чем стоны.

– Теперь запомните вот что, – сказал Обезьян. – Я слышал, некоторые говорят, что я обезьяна. Это ложь. Я – человек. Да, я похож на обезьяну, но потому, что очень стар – мне сотни и сотни лет. Я стар и мудр. Я мудр, и потому со мной одним говорит Аслан. Ему некогда разводить разговоры со всякими бестолковыми зверями. Он говорит мне, что вы должны делать, а я говорю вам. И советую делать это побыстрее – он шутить не любит.

Тишина стояла гробовая, только плакал маленький барсучонок да мать успокаивала его.

– Теперь ещё, – продолжал Обезьян, засовывая за щеку очередной орех. – Я тут слышал среди лошадей такие толки, дескать, поторопимся и закончим поскорей работу с брёвнами и опять будем свободны. Выкиньте это из головы. Все, кто может работать, будут работать и впредь. Аслан обо всём договорился с повелителем Тархистана, Тисроком, как зовут его наши темнолицые друзья. Всех лошадей, быков, ослов – всех пожизненно отправят в Тархистан. Там они будут возить тяжести, как это принято во всех странах. Всех роющих зверей – кротов, кроликов, гномов – отправят в рудники Тисрока. И...

– Нет, нет, нет, – завывали звери. – Этого не может быть. Аслан не продал бы нас в рабство Тисроку!

– Тихо! Молчать! – рявкнул Обезьян. – Кто говорит про рабство? Вы не будете рабами. Вы будете зарабатывать, и очень неплохо. Эти деньги пойдут в казну Аслана, на общее благо.

Он метнул взгляд – почти подмигнул главному тархистанцу. Тот поклонился и произнёс в напыщенной тархистанской манере:

– Мудрейший глашатай Аслана, Тисрок (да живёт он вечно) полностью одобряет превосходнейший план вашей светлости.

– Вот видите, – сказал Обезьян. – Всё улажено. И всё для вашего блага. На ваши деньги мы устроим в Нарнии настоящую жизнь. Рекой польются бананы и апельсины, дороги и большие города, школы и учреждения, конуры и намордники, сёдла и клетки, кнуты и тюрьмы – словом, всё!

– Да мы не хотим всего этого, – сказал старый медведь. – Мы хотим быть свободными. И мы хотим, чтобы Аслан сам говорил с нами.

– Немедленно прекрати спорить, – сказал Обезьян. – Я этого не вынесу. Я человек, а ты – толстый, глупый, старый медведь. Что ты понимаешь в свободе? Вы все думаете, свобода – это делать что заблагорассудится. Нет. Это не настоящая свобода. Настоящая свобода – делать, что я вам велю.

– О-хо-хо, – проворчал медведь, почёсывая за ухом. Он решил, что такое понятие трудновато.

– Простите, – раздался тоненький голосок. Он принадлежал ягнёнку, такому юному и пушистому, что всех удивило, как он вообще осмелился заговорить.

– Что ещё? – спросил Обезьян. – Быстрее.

– Простите, – повторил ягнёнок. – Я никак не пойму. Какие могут у нас быть дела с Тархистаном? Мы принадлежим Аслану. Они принадлежат Таш. Это их богиню зовут Таш, и они говорят, что у неё четыре руки и голова грифа. Они убивают людей на её алтаре. Я не верю в Таш, но если она есть, как может Аслан дружить с ней?

Обезьян вскочил и шлёпнул ягнёнка.

– Детка, – прошипел он, – отправляйся к мамочке сосать молочко. Что ты в этом смыслишь? А вы, остальные, слушайте. Таш – другое имя Аслана. Все эти старые взгляды, будто мы правы, а тархистанцы нет, – просто глупы. Теперь нам всё известно. Тархистанцы называют то же самое другими словами. Таш и Аслан – просто разные имена сами знаете Кого. Поэтому мы можем больше не ссориться. Усвойте это как следует, тупые скоты. Таш – это Аслан. Аслан – это Таш.

Вы знаете, какой несчастной бывает иногда морда вашей собаки. Вспомните это и попытайтесь представить морды всех этих говорящих зверей – честных, покорных, сбитых с толку птиц, медведей, барсуков, кроликов, кротов, мышей, – ещё более грустных. Хвосты их опустились, уши обвисли. У вас сердце бы разбилось от жалости, если бы вы увидели эти морды. Только один зверь не выглядел несчастным.

Это был кот – огромный рыжий котище в самом расцвете сил. Он сидел, выпрямившись и обернув хвостом задние лапы, в первом ряду, пристально смотрел на Обезьяна и тархистанского военачальника и ни разу не моргнул.

– Прошу прощения, – сказал кот, – вот это меня заинтересовало. Согласен ли с этим ваш тархистанский друг?

– Несомненно, – ответил тархистанец. – Превосходнейший Обезьян... я хотел сказать – человек... совершенно прав. «Аслан» не более и не менее чем «Таш».

– Главным образом не более чем Таш? – подсказал кот.

– Ничуть не более, – произнес тархистанец, глядя прямо в глаза коту.

– Ты удовлетворён, Рыжий? – спросил Хитр.

– О да, вполне, – холодно ответил кот. – Благодарю вас. Я хотел удостовериться. Кажется, я начинаю понимать.

До сих пор король и Алмаз хранили молчание. Они ждали, чтобы Обезьян приказал им говорить, ибо думали, что вмешиваться бесполезно. Но теперь, оглядевшись и увидев несчастные лица нарнийцев, Тириан понял, что они поверили, будто Аслан и Таш – одно и то же, и не выдержал.

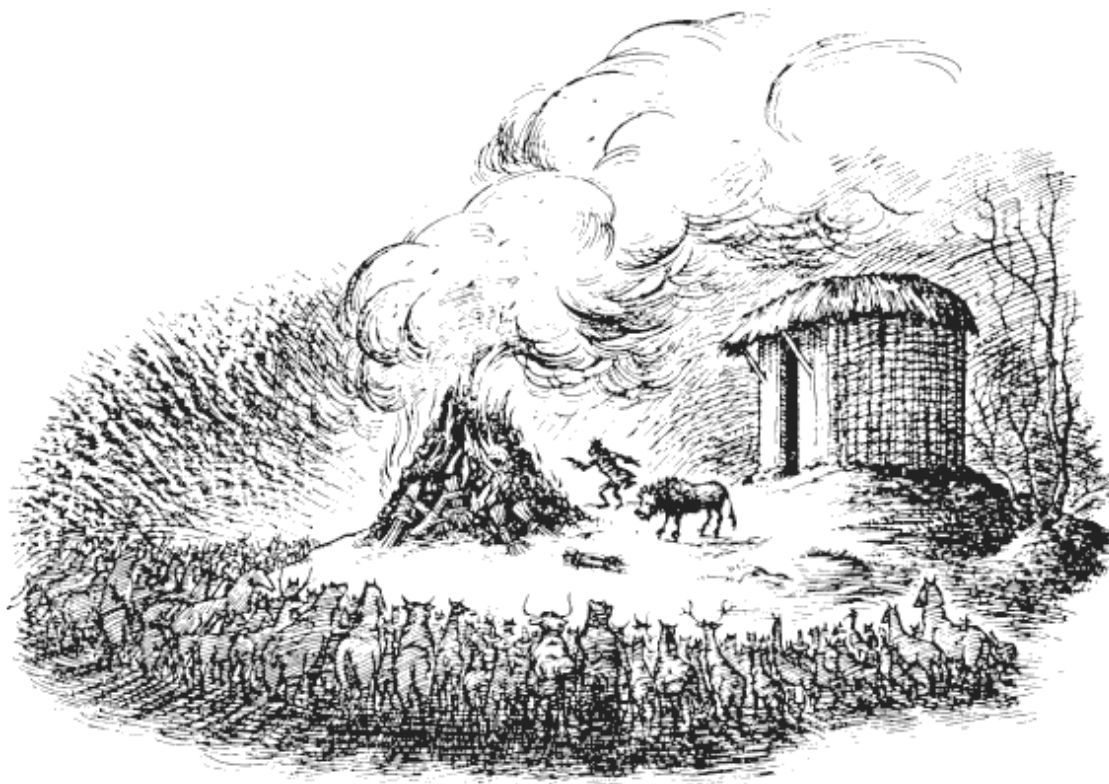
– Обезьяна! – вскричал он могучим голосом. – Ты лжёшь. Ты гнусно лжёшь. Ты лжёшь, как тархистанец. Ты лжёшь, как обезьяна.

Он хотел продолжать и спросить, как жестокая Таш, которая питается кровью своих людей, могла оказаться тем же, кем был добрый Лев, чьей кровью спасена Нарния. Если бы он продолжал, правление Хитра могло кончиться в этот самый день, звери увидели бы правду и свергли обезьяну. Но прежде чем он произнёс ещё хоть слово, двое тархистанцев заткнули ему рот, а третий сбил с ног. Когда король упал, Обезьян провизжал испуганно и злобно:

– Уберите его! Уберите! Уберите туда, где ни мы его не услышим, ни он нас. Привяжите его к дереву. Я... То есть Аслан... будем судить его позже.

Глава четвёртая

Что случилось этой ночью

Король был настолько ошеломлён неожиданным ударом, что с трудом понимал происходящее, пока тархистанцы развязали ему руки, потом вытянули их по бокам, прислонили его к ясеню, примотали верёвками за лодыжки, колени, пояс и грудь и, наконец, оставили одного. Часто труднее всего переносить мелочи – и вот его больше всего мучило, что, падая, он разбил губу и теперь не мог вытереть тонкую струйку крови, щекотавшую подбородок.

Отсюда был виден маленький хлев на вершине холма и сидящий перед ним Обезьян. Король слышал, что тот всё говорит и ему время от времени отвечают из толпы, но слов не разбирал.

«Хотел бы я знать, что они сделали с Алмазом», – подумал король.

Постепенно звери начали расходиться. Некоторые проходили совсем близко от Тириана. Они смотрели на связанного короля со страхом и жалостью, но ни один не заговорил. Час проходил за часом; сначала Тириану захотелось пить, потом есть. Наступил вечер, ему стало ещё и холодно. Сильно болела спина. Солнце село, стемнело. И тут он услышал мелкие шажки и увидел, что к нему приближаются несколько маленьких существ. Слева шли трое мышей, в центре кролик, справа – двое кротов. Эти двое несли на спинах мешки, что в темноте выглядело весьма причудливо, и король не сразу понял, кто они такие. Затем звери, все сразу, встали на задние лапы, положили холодные передние ему на колени и покрыли их шумными звериными поцелуями. Они смогли дотянуться до колен, потому что говорящие звери в Нарнии выше своих бессловесных английских собратьев.

– Господин наш король, дорогой господин наш король! – раздались тихие пронзительные голоса. – Мы так сочувствуем вам. Мы не решаемся развязать вас, чтобы Аслан не рассердился. Но мы принесли вам ужин.

Тут же первая мышь проворно вскарабкалась наверх и уселась на верёвке, обмотанной вокруг его груди, морща носик прямо напротив его лица. Вторая мышь вскарабкалась следом и устроилась как раз под первой. Остальные звери стояли внизу и передавали провизию наверх.

– Пейте, государь, потом вы сможете есть, – сказала верхняя мышь, и Тириан обнаружил у своих губ маленькую деревянную чашку. Она была не больше рюмочки для яиц, так что он едва ощутил вкус вина. Но мышь спустила её вниз, где её наполнили и вновь передали наверх. Так продолжалось, пока он не напился (кстати, жажду вообще лучше утолять множеством маленьких глотков, чем одним большим).

– Вот сыр, государь, – сказала первая мышь. – Не слишком много, а то вам снова захочется пить. – За сыром последовала овсяная лепёшка со свежим маслом, за ней – ещё немного вина.

– Теперь налейте немного воды, – сказала первая мышь. – Я умою короля. Тут кровь.

Король чувствовал, как что-то вроде маленькой губки освежило его лицо.

– Маленькие друзья, – сказал Тириан. – Чем я могу отблагодарить вас?

– Что вы, что вы, – запищали голоса. – Что ещё могли мы сделать? Мы не хотим другого короля. Мы – ваш народ. Если б против вас был только Обезьян и тархистанцы, мы скорее дали бы изрубить себя в куски, чем позволили вас связать. Но мы не можем идти против Аслана.

– Вы думаете, это и впрямь Аслан? – спросил король.

– О да, да, – сказал кролик. – Он выходил из хлева прошлой ночью. Мы все его видели.

– На что же он похож? – спросил король.

– На огромного, страшного льва, разумеется, – ответила одна из мышей.

– Вы думаете, это Аслан убивает лесных нимф и продает вас в рабство тархистанцам?

– Это дурно, правда? – спросила вторая мышь. – Лучше б мы умерли раньше, чем всё это началось. Но сомнений нет. Все говорят, что так приказал Аслан. И мы его видели. Мы не думали, что Аслан будет таким. Мы... мы хотели, чтоб он вернулся в Нарнию.

– Похоже, на этот раз он очень сердитый, – сказала первая мышь. – Видимо, мы, сами того не зная, совершили нечто ужасное. Он наказывает нас за что-то. Но, мне кажется, он мог бы сказать – за что!

– А вдруг мы и сейчас поступаем неверно? – произнёс кролик.

– Мне всё равно, – сказал крот. – Даже если это неверно, я бы опять поступил так же.

Но остальные зашептали: «Тише», «Осторожно», – а потом сказали королю:

– Простите нас, дорогой король, но мы должны вернуться. Нельзя, чтобы нас застали здесь.

– Оставьте меня, дорогие звери, – сказал король. – Ради всей Нарнии я не стал бы подвергать вас опасности.

– Доброй ночи, доброй ночи, – говорили звери и тёрлись носами о его колени. – Мы вернёмся, если сможем. – И они засемили прочь, а лес сделался ещё более тёмным, холодным и одиноким, чем до их прихода.

Появились звёзды, и медленно – о, как медленно! – текло время, пока последний король Нарнии, измученный, окоченевший, стоял, навтыяжку привязанный к дереву.

Наконец что-то произошло.

Вдалеке зажёгся красноватый свет. Потом на мгновение исчез и вновь появился, больше и ярче. Король увидел тёмные силуэты, они сновали туда-сюда, что-то приносили и сбрасывали на землю. Он догадался, что там разожгли костёр и бросают в него вязанки дров. Он ясно видел хлев, освещённый красным заревом, толпу людей и зверей между ним и огнём и ссутулившуюся фигуру позади. Это, наверное, был Обезьян. Он что-то говорил толпе, но Тириан не мог разобрать слов. Обезьян трижды склонился до земли перед дверью хлева, потом поднялся и открыл дверь. Что-то на четырёх ногах скованно и неуклюже вышло из хлева и стало лицом к толпе.

Не то стон, не то рёв поднялся над толпой так громко, что стали слышны отдельные слова.

– Аслан! Аслан! Аслан! – кричали звери. – Поговори с нами. Утешь нас. Не сердись на нас больше.

Тириан не мог ничего разглядеть с такого расстояния, у хлева стояло что-то жёлтое и мохнатое. Тириан никогда не видел Великого Льва. Он никогда не видел даже обычного льва и не мог бы поручиться, что перед ним не Аслан. Однако он не ожидал, что Аслан окажется похож на это неуклюжее, безмолвное существо. Но кто его знает? На мгновение ужасная мысль пронзила его разум; но, вспомнив весь вздор о том, что Аслан и Таш – одно, он понял, что налицо обман.

Обезьян наклонился к голове жёлтого существа, словно прислушиваясь, обернулся и заговорил с толпой. Вновь раздался жалобный вой. Потом жёлтое существо, потоптавшись,

развернулось и вошло – можно сказать, ввалилось – обратно в хлев, и Обезьян закрыл за ним дверь. Огонь начал меркнуть, погас совсем, и Тириан снова остался один среди холода и мрака.

Он думал, сколько королев жили и умерли в Нарнии в древние времена, и ему казалось, что он – самый из них несчастный. Он думал о прадеде своего прадеда, короле Рилиане, которого ещё принцем похитила колдунья и многие годы прятала под землёй северных великанов. Но в конце концов и у него всё устроилось, ибо два чудесных ребенка неожиданно появились из страны за краем света и освободили его, и он вернулся в Нарнию и правил долго и счастливо. «А со мной совсем не так», – сказал себе Тириан.

Затем он мысленно отправился назад, во времена отца Рилиана, Каспиана Мореплавателя, которого пытался убить его дядя, коварный Мираз. Но Каспиан бежал в леса, прятался у гномов, и его история кончилась хорошо – Каспиану тоже помогли дети, только тогда их было четверо, они появились откуда-то извне мира, выиграли великую битву и вернули ему престол. «Но это было очень давно, – сказал себе Тириан. – Теперь такого не бывает». Потом он вспомнил (ибо в детстве хорошо учил историю), как те же четверо ребят, что помогли Каспиану, были в Нарнии более чем за тысячу лет до того; тогда они победили страшную Белую Колдунью, и положили конец вечной зиме, и потом (все четверо) правили в Кэр-Паравале, пока не выросли и не стали великими королями и прекрасными королевами, и правление их было золотым веком Нарнии. Аслан часто появлялся в этой истории. В других историях он тоже появлялся часто, как припомнил теперь Тириан. «Аслан и дети из другого мира, – думал Тириан. – Когда было хуже всего, всегда являлись они. Ах, если б это случилось сейчас!»

И он возвал: «Аслан! Аслан! Аслан! Приди и помоги нам сейчас!»

Но по-прежнему вокруг были холод, мрак и тишина.

– Пусть меня убьют! – взывал король. – Я ничего не прошу для себя. Приди и спаси Нарнию.

И хотя лес и ночь не изменились, что-то изменилось в самом Тириане – необъяснимая, неоправданная надежда придала ему какие-то новые силы.

– О Аслан, Аслан, – горячо прошептал он. – Если ты не можешь прийти сам, пошли мне хотя бы помощников. Или позволь моему голосу проникнуть за пределы мира и призвать их на помощь. – И, не понимая, что делает, он закричал изо всех сил:

– Дети! Дети! Друзья Нарнии! Быстрее! На помощь! Через миры я зову вас – я, Тириан, король Нарнии, владетель Кэр-Паравала и император Одиноких Островов!

И тотчас он погрузился в сон (если то был сон) – ярче и яснее всех его прошлых снов.

Ему казалось, что он в светлой комнате, а перед ним за столом сидят семь человек. По-видимому, они только что кончили есть. Двое из них были очень старыми: старик с белой бородой и старая женщина с мудрыми, весёлыми, лучистыми глазами. По правую руку от старика сидел юноша, ещё не совсем взрослый, моложе Тириана, но с лицом короля и воина. То же можно было сказать и о другом юноше, сидевшем по правую руку от старой женщины. Напротив Тириана сидела белокурая девочка, помладше, а с другой стороны от неё – совсем юные мальчик и девочка. Одеты они были, как показалось Тириану, ужасно нелепо.

Но у него не было времени думать о таких мелочах, потому что младший мальчик и обе девочки тут же вскочили и одна из них вскрикнула. Старая женщина вздрогнула и часто задышала. Старик, должно быть, тоже сделал какое-то резкое движение, ибо стакан с вином справа от него упал на пол и разбился: Тириан явственно слышал звон.

Тут Тириан понял, что они его видят – они уставились на него, словно на привидение, – но он заметил, что юноша королевского вида, сидевший справа от старика, не шевельнулся (хотя и побледнел), только крепко сжал кулаки, а потом произнёс:

– Говори, если ты не призрак и не сон. Ты похож на нарнийца, а мы – семеро друзей Нарнии.

Тириан хотел заговорить, он пытался выкрикнуть, что он, король Нарнии, в великой нужде. Но обнаружил (как мы иногда обнаруживаем во сне), что слов его не слышно. Юноша, говоривший с ним, поднялся из-за стола.

– Тень, или дух, или кто иной, – произнёс он, в упор глядя на Тириана. – Если ты из Нарнии, именем Аслана заклинаю тебя – говори. Я – Верховный Король Питер.

Комната поплыла перед глазами Тириана. Семеро стали прозрачными; они заговорили все разом, что-то вроде: «Смотрите! Он исчезает!», «Он тает», «Он пропадает». Через минуту он совершенно проснулся, по-прежнему привязанный к дереву, совсем замёрзший и одеревеневший. Лес был полон бледным, печальным светом, как перед восходом солнца, и король насквозь промок от росы; утро почти наступило.

Это пробуждение было худшим в его жизни.

Глава пятая

Как к королю пришла помощь

Но отчаяние длилось недолго. Послышался глухой удар, почти сразу за ним второй, и перед ним оказались двое детей. Секундой раньше лес впереди был совершенно пуст, и он был уверен, что дети не вышли из-за дерева за его спиной, иначе он бы слышал их шаги. Они просто появились ниоткуда. С первого взгляда он заметил, что на них нелепые, блеклые одежды, как на людях в его сне; со второго – что это мальчик и девочка, младшие из семерых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.